

Руфина Дмитриевна Сибрикова:

Моя родина – текстильный город Вичуга. И я появилась здесь на свет за месяц до начала войны. Мой папа, Дмитрий Павлович, в июне 1941 года ушел на фронт. Мама, Матрена Ивановна, осталась с тремя детьми. Отца в 42-м ранили. Он лежал в госпитале, а потом снова отправился на фронт. И вскоре погиб под Ржевом. Из родных не вернулись с войны отец, мамин брат, муж ее сестры и муж папиной сестры.

У мамы специальности не было, устроиться в Вичуге на работу было сложно. Поэтому она, как могла, зарабатывала на нашу жизнь надомницей: вязала носки, варежки, кружева, шила вещи. Денег не было, поэтому ездили в деревню и меняли вещи на еду.

Про себя в детстве многое знаю по рассказам мамы, которые забыть невозможно, но и сама что-то помню: День Победы, когда все смеялись и плакали... А еще – какая это была радость: получить из рук мамы зеленую карамельку в виде крыжовника. И совсем уж огромное счастье – бутерброд с маргарином, посыпанный сахаром. А ведь многие дети, которые жили рядом, и этого не видели... Еще ели соевую дуранду, но я уже и не помню, из чего ее готовили.

С дровами было плохо. На зиму одну комнату закрывали и жили в основном на кухне. Старший брат ходил в лес корчевать пни. Зимой, кроме русской печки, дом обогревали железной печуркой, чтобы дрова сэкономить. Резали картошку тонкими слоями, раскладывали ее на эту печь и поджаривали. Получалось что-то вроде современных чипсов.

К вечеру в доме становилось прохладно. Чтобы согреться, забирались на русскую печь, рассказывали истории, мама при этом вязала варежки.

В углу висело радио в виде черной тарелки, по нему я слушала сказки. Помню, как рассказывали про волка и семеро козлят. Еще мы любили стишок: «Ты, сорока-белобока, научи меня летать, не далеко, не высоко, только папу повидать».

Летом дети постарше собирались на улице и играли в «испорченный телефон», лапту, «классики», прыгали через скакалку. Меня в конце войны тоже стали принимать в эти игры. Все жили дружно, никто никому не завидовал. И старшие дети мелких не обижали, наоборот, чему-то нас учили, гуляли с нами, следили, чтобы ничего не случилось...

В нашей семье никому из детей одежду не покупали – перешивали и «перелицовывали» старую. Помню свое зимнего пальто на вырост: снаружи

ткань, сукно называлась, а снизу пришивали овчину, это их шкуры от овечки.

Вскоре после окончания войны, лет в пять, я заболела корью с осложнением на воспаление легких. Лежала в инфекционной больнице, которую называли «заразный барак». Дома думали, что не выживу... и сшили белое похоронное платье. Но я выздоровела... И тогда платье покрасили в голубой цвет, и я его долго носила...